

Алексей
Рогачев

ДМИТРОВСКОЕ ШОССЕ

Расцвет, упадок и большие надежды
Дмитровского направления

Северный луч — московский «бермудский
треугольник»

Алексей Рогачев

**Дмитровское шоссе. Расцвет,
упадок и большие надежды
Дмитровского направления**

«Центрполиграф»

2017

УДК 908
ББК 26.89

Рогачев А. В.

Дмитровское шоссе. Расцвет, упадок и большие надежды
Дмитровского направления / А. В. Рогачев — «Центрполиграф»,
2017

ISBN 978-5-227-06633-6

Первое исследование, посвященное северному радиусу Москвы, ведущему к подмосковному городу Дмитрову. Радиус не пользуется особой популярностью путеводителей по Москве и среди всех московских магистралей выделяется своей нелегкой судьбой и удивительным обилием громких катастроф. Помимо рассказа об истории и застройке улиц, составляющих северный радиус, в книге затрагиваются проблемы современного состояния города, оцениваются удаchi и просчеты ведущейся реконструкции.

УДК 908
ББК 26.89

ISBN 978-5-227-06633-6

© Рогачев А. В., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

«Неудачник плачет, кляня свою судьбу...»	6
Дмитров и Дмитровки	7
У истоков театральных пожаров	9
Пламя театральной Дмитровки	11
Драмы музыкального театра	13
С небес и из-под земли	16
Казаков, Бакарев и Мейснер	18
Не всякий дом памятник	20
Институт Ленина от Советской площади до Дмитровки	24
Первый проект реконструкции	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Рогачев
Дмитровское шоссе. Расцвет,
упадок и большие надежды
Дмитровского направления

© Рогачев А. В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

«Неудачник плачет, кляня свою судьбу...»

Среди московских радиальных магистралей наиболее известны те, что составляют красу и гордость нашего города – Тверская и Тверская-Ямская улицы (проще говоря, улица Горького), Ленинградский, Ленинский, Кутузовский проспекты, проспект Калинина (ныне Новый Арбат). Именно эти радиусы, созданные в советские годы, определяют лицо Москвы – красивое, приветливое и вместе с тем строгое и торжественное.

Но есть и другие радиусы, о которых реже упоминают в популярных путеводителях, – например, Варшавское, Каширское, Щелковское шоссе. Они выглядят менее нарядными, на них мало выдающихся построек. Меньше внимания уделяют им средства массовой информации.

Причины этого самые разные. Для одних (в основном восточных и южных направлений) главным фактором, определяющим неказистый облик, является наличие в их окружении громадных промышленных зон. Промышленные сооружения, подчиненные строгим требованиям технологии, труднее всего вписать в застройку важной городской магистрали.

Помехой для полноценного развития других стало обилие железных дорог, нарезавших прилегающие территории на мелкие, случайные участки, на которых невозможно возвести что-либо достойное.

Третьим вроде бы ничего не мешало превратиться в парадные проспекты, но начатая было реконструкция остановилась на полпути – то война помешала, то средств не хватило, то смена вех в архитектуре и строительстве.

Несложившаяся судьба этих магистралей отразилась и в их статусе – большинство из них так и не удостоились почетного звания проспекта, оставшись в ранге шоссе. К числу этих неудачников относится, в частности, Дмитровское шоссе. Причем незадачливостью отличается не только само шоссе, но и улицы центра города, которые дают начало северному радиусу Москвы. Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Ведь Дмитровская дорога ведет свою историю с первых веков существования Москвы, связывая ее с верховьями Волги – важнейшей транспортной артерии Древней Руси. Но с течением веков значение Дмитровской дороги снижалось. Искажениям подверглась ее трасса в черте города. Вместо того чтобы идти по прямой от Кремля, она стала выписывать странные, непонятные с первого взгляда зигзаги.

А в XIX столетии в дело вмешались железные дороги. Именно Дмитровскому направлению они причинили наибольший вред – только в пределах МКАД оно пересекается стальными путями целых пять раз! По этому показателю северный радиус делит первенство Москвы с шоссе Энтузиастов. Самым неприятным оказалось то, что стальные пути Савеловского направления пролегали бок о бок с шоссе, максимально затруднив задачу архитекторам, разработавшим проекты реконструкции. И хотя подобных проектов было выполнено немало (один прекраснее другого!), большая их часть в жизнь так и не воплотилась.

При этом, вопреки своей неказистой внешности, Бутырская улица и Дмитровское шоссе вносили значительный вклад в развитие столицы. Вдоль них размещались важные промышленные предприятия, многие научно-исследовательские институты. В 50-х годах XX века вдоль шоссе пролегал трубопровод, по которому Москва снабжалась чистой водой, поступающей с Северной водопроводной станции.

Северный луч выделяется и еще в одном отношении. Он является своего рода московским «бермудским треугольником», где чаще всего случаются всевозможные катастрофы. Причем, в отличие от настоящего Бермудского треугольника, сугубая трагичность которого является чистой фикцией, частота взрывов, пожаров, обвалов вдоль Дмитровского радиуса на самом деле заметно превышает среднемосковский уровень.

Дмитров и Дмитровки

Дмитровский радиус, началом которого является улица Большая Дмитровка, а завершением – Дмитровское шоссе, никогда не относился к числу самых важных, самых оживленных дорог Москвы. Об этом говорило даже само название. Дмитров – обыкновенный подмосковный город, за которым не числится ни особых ратных подвигов, ни громких событий русской истории. Уважение вызывают дата основания – 1154 год и имя основателя – Юрий Долгорукий. Благодаря этому Дмитров является «кровным братом» русской столицы. Князь знал, что делал. Кратчайший путь от Москвы к главной транспортной артерии Северо-Восточной Руси – реке Волге – пролегал через эти места. Вставший на самой середине этого пути Дмитров взял его под свой контроль.

Постепенно Московское княжество раздвигало свои границы, в его владение перешел и полноценный водный путь к Волге по Оке. Он принял на себя значительную часть грузооборота. В начале XVIII века столицей Российской империи стал Петербург. С верховьями Волги его связала Мариинская водная система, а кратчайший путь оттуда к Москве вновь пролегал по старому маршруту. Вновь расцвел Дмитров. Но в середине XIX столетия Николаевская железная дорога оттянула основные грузовые перевозки между старой и новой столицами. Наконец, в 30-х годах XX столетия вошло в строй выдающееся инженерное сооружение – канал Москва – Волга, и Дмитров стал центром великой стройки.

Все эти события так или иначе влияли на значение Дмитрова, а заодно и пути, связывавшего его с Москвой. Дорога то приходила в упадок, то вновь оживлялась. Но даже в моменты расцвета она никогда не переходила в ранг первоклассных, самых важных магистралей.

Пожалуй, апофеозом невезучести Дмитровского направления можно считать события второй половины XIX века. Город Дмитров являлся тогда центром обширного уезда (в его состав входили земли нынешних Дмитровского, Сергиево-Посадского, Талдомского, Пушкинского районов), и, казалось, можно было ожидать, что развернувшееся железнодорожное строительство не обойдет его стороной. Но открытая в 1862 году стальная магистраль прошла не через центр уезда, а по его восточной окраине – на заштатный Сергиев Посад. Ближайшая к Дмитрову станция оказалась у монастырской слободы Хотьково. С тех пор бедным жителям уездного центра приходилось добираться до Москвы самым причудливым образом – 30 верст на лошадях на восток до Хотькова, а затем 60 верст на поезде до Москвы. И все-таки это было удобнее и быстрее, чем трястись 70 верст по прямому, но разбитому Дмитровскому тракту. Собственной железной дороги Дмитрову пришлось дожидаться почти сорок лет. Да и прошедшая, наконец, через город Савеловская дорога оказалась, фактически, тупиковой. Поездов дальнего следования по ней проходило по две-три пары в сутки, а сегодня и вовсе осталось только пригородное сообщение.

Не повезло Дмитровскому радиусу и в градостроительном плане. Другие радиальные магистрали Москвы, как правило, берут свое начало от Кремля или от какой-нибудь центральной площади. И только Большая Дмитровка скромно и незаметно вытекает из Охотного Ряда. Ее начало скучно замыкает боковой фасад гостиницы «Москва», точнее, новодела, выросшего (но так и недостроенного) на месте снесенной гостиницы. А до 30-х годов XX столетия дело обстояло еще хуже. Дмитровка «вытекала» из вечно бестолкового, шумного и безобразного всемосковского торжища, именовавшегося Охотным рядом.

К счастью, в судьбе пути на Дмитров далеко не все столь печально. Одна особенность ставит его в ряды главных культурных центров Москвы. Начальная часть радиуса – улицы Большая и Малая Дмитровки – весьма богата театральными зданиями. На Большой Дмитровке расположены Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко и Театр оперетты. До 60-х годов XX века в доме № 26 работал и цыганский театр «Ромэн». В небольшом

зале в доме на углу со Страстным бульваром (Страстной бульвар, № 6) в 30-х годах давал спектакли латышский театр «Скатуве». По некоторым сведениям, там даже после перестройки и приспособления под административное помещение до самого конца XX века сохранялся поворотный круг сцены...

Так выглядело начало Пушкинской улицы в 80-х гг. XX в.

В непосредственной близости от улицы лежит Театральная площадь с тремя крупнейшими театральными зданиями Москвы – Большим, Малым и Центральным детским (ныне РАМТ) театрами, причем последний выходит на Дмитровку своим тыльным фасадом. Также совсем рядом с улицей, в Петровском переулке, расположено здание бывшего Театра Корша, которое долгое время было занято филиалом МХАТа, а ныне принадлежит Театру Наций. К перечисленным театрам Большой Дмитровки нужно добавить Театр имени Ленинского комсомола на Дмитровке Малой. Так что в отношении «театральности» с Дмитровским радиусом может соперничать разве что главная магистраль Москвы – когда-то улица Горького, ныне зачем-то разорванная на Тверскую и 1-ю Тверскую-Ямскую.

Но даже роль Дмитровки как театрального центра Москвы омрачена, вернее, озарена пламенем многочисленных пожаров в театрах.

У истоков театральных пожаров

Большая Дмитровка не имеет соперников и вряд ли получит их в обозримом будущем по числу театральных пожаров. Подводя итоги огненных катастроф в Москве за последние двести лет, можно прийти к весьма печальному для нашего города и особенно для Дмитровского радиуса выводу: если горит театр, то это происходит либо на Большой Дмитровке, либо рядом с ней.

Начало этой страшноватой традиции положил колоссальный пожар 8 октября 1805 года, уничтоживший здание Петровского театра. Это здание, стоявшее на месте нынешнего Большого, было перестроено из сгоревшего в 1773 году дома Лобановых-Ростовских. Заказчиком выступал антрепренер англичанин Меддокс, а проект выполнял, скорее всего, архитектор Дж. Кваренги¹. Любопытно, что московские бабы рассматривали постигшее театр бедствие как Божью кару за то, что в день пожара, в воскресенье, там осмелились поставить «Русалку» с избытком всевозможной чертовщины². Возродиться театру суждено было лишь после разорения 1812 года и в другом качестве.

В 1841 году огненную эстафету подхватил Малый театр, его внутренности выгорели, да так, что восстановление здания затянулось аж до 1848 года. Прошло всего пять лет, и 11 марта 1853 года вспыхнул самый известный из всех московских театральных пожаров – на сей раз в Большом театре, занявшем место несчастного Петровского. Эта катастрофа была многократно описана во всех подробностях и наглядно продемонстрировала полное бессилие московских пожарных в борьбе с серьезными загораниями. Конечно, отстоять гигантское здание от огня не позволяли скромные возможности пожарной техники того времени, но бравые огнеборцы не смогли даже оказать помощь несчастным, которых пламя выгнало на крышу фронтона портика. Двое из них в отчаянии предпочли мгновенную смерть и бросились с крыши вниз. Третий, плотник Дмитрий Петров, нашел место, где ветер относил от него пламя и дым. Спасти погибавшего человека вызвался крестьянин деревни Евсеевой Ростовского уезда Ярославской губернии, кровельщик по профессии Василий Герасимович Марин. По пожарной лестнице он поднялся так высоко, как было возможно, а оттуда подал вверх веревку на шесте. Казалось бы, мысль достаточно простая, но почему-то пришла она в голову не пожарным, а случайному наблюдателю. Так или иначе, а эта веревка спасла Петрова. Закрепив ее на крыше, он спустился на землю.

Само же здание выгорело дотла, от него остались только потрескавшиеся кирпичные стены – внешние и зрительного зала. Развалины простояли более двух лет, пока в Петербурге решали судьбу театра, изыскивали средства и разрабатывали проект. Восстановление начали 17 мая 1855 года с раскопок руин. На это ушло почти две недели, и лишь в конце мая приступили к строительным работам. Восстанавливавший театр зодчий А. К. Кавос хотя и постарался максимально сохранить уцелевшие стены, в общем мало считался со старым проектом архитекторов Михайлова – Бове и изменил архитектуру здания в соответствии со своими вкусами. Именно тогда оно приобрело тот пышный вид, который с небольшими изменениями дошел до наших дней. Строительство велось очень быстро и было в основном завершено через год и четыре месяца. 20 августа 1856 года оперой Беллини «Пуритане» восстановленный Большой театр продолжил свою работу.

Спешка обусловила недостаточную проработку проекта и невысокое качество строительства, что проявилось уже через сорок лет. С конца XIX века здание Большого театра подверга-

¹ Пилявский В. Петровский театр // Строительство и архитектура Москвы. 1981. № 2.

² Чаянова О. Театр Меддокса в Москве. М., 1927.

лось неоднократным ремонтам и профилактическим работам, призванным укрепить его фундаменты и стены, остановить их неравномерную осадку.

Пламя театральной Дмитровки

Пока огненные трагедии случались лишь в ближайших окрестностях Большой Дмитровки, но в конце XIX века дошла очередь и до нее. Причиной послужило здание, в котором ныне располагается Театр оперетты.

На обширном участке вдоль Большой Дмитровки между Спасским переулком и Кузнецким Мостом стоял трехэтажный дом с четырехколонным портиком, выходящим на Кузнецкий Мост. Задний двор к середине XIX века окружали хозяйственные постройки. В 60-х годах участок перешел во владение купцов Солодовниковых, а в 1893 году Г. Г. Солодовников, известный своей скупостью и подлостью, решил построить на своем участке театр, причем с наименьшими затратами, то есть максимально используя стены старых сооружений.

Архитектор К. В. Терский подготовил проект зала и сцены, встроенных в пространство между надстраиваемыми старыми корпусами, в которых размещались фойе, уборные артистов и прочие вспомогательные помещения. Большую часть нижних этажей предполагалось использовать под магазины. Сохранение старых стен и малая глубина участка не давали возможности создать полноценные фойе, кулуары, а главное – лестницы, достаточные для быстрой эвакуации зрителей в случае чрезвычайной ситуации. Будущее театральное здание выглядело бестолковым и довольно безобразным. Тем не менее разрешение на строительство было получено, и к концу 1894 года театр был готов. Но тут вдруг уперлась городская администрация. Специальная комиссия не разрешила открыть театр из-за большого числа неудобных мест, плохой отделки и тесноты. Самой важной была претензия пожарных, посчитавших, что пути эвакуации недостаточны для обширного пятиярусного зала.

В конце концов, с помощью взяток, мелких достроек и улучшений Солодовников добился своего. Безобразное внутри и снаружи здание на Большой Дмитровке стало самым большим и первым в Москве частным театром.

А уже 20 января 1898 года после спектакля произошел первый пожар. Расследовавшая дело комиссия предписала закрыть для публики два верхних яруса и сократить вместимость зала до 1600 мест. Владелец здания, естественно, предложил другое решение – усиление путей эвакуации. Угловые лестницы были достроены до общей высоты театра, и фасад по Большой Дмитровке окончательно сгладился под линию рядовой застройки.

Но, видно, уж больно бестолковым было лоскутное сооружение, и 30 октября 1907 года в нем случился очередной, на сей раз поистине катастрофический пожар. К тому времени владелец здания скончался, и театр перешел в собственность его наследников.

Зарево над Большой Дмитровкой увидели в четыре часа утра с каланчи Тверской части. На пожар сразу были вызваны три пожарные части, затем к ним прибавилось еще семь. Но, несмотря на усилия, через час после прибытия пожарных рухнула крыша зрительного зала. Все, что могли сделать борцы с огнем, – приставив лестницы, спасти пять человек, ночевавших в верхних этажах. Остов здания превратился в огромный открытый костер. Пылали деревянные кресла, конструкции лож, двери, балюстрады балконов. Горение было столь стремительным, что уже к шести часам утра пожар начал ослабевать сам по себе.

Спасать внутри здания было уже нечего, и большинство пожарных отправились восвояси. Оставшиеся старались предотвратить обрушения внешних стен, в чем и преуспели. Однако все остальное погибло: отделка зала, фойе и сцены, декорации, коллекция костюмов, музыкальные инструменты. От театра остались почерневшие, закопченные несущие стены. В одном из разрушенных помещений – декорационной мастерской – пожарные наткнулись на страшную находку – человеческий труп, в котором работники театра опознали помощника декоратора Семена Коваля, двадцати лет, задохнувшегося в дыму.

Через пару лет театр восстановили под руководством известного специалиста по зрелищным сооружениям архитектора Т. Я. Бардта. Он сумел учесть уроки прошлого (конечно, в пределах объема кошелеков владельцев) и постарался привести здание в более или менее приличный вид. Однако и здесь не обошлось без старомосковской дури. При перестройке в 1909 году рухнули гнилые леса, расшибся работавший на них каменщик. Рассматривавший дело суд приговорил наблюдавшего за строительством Бардта к трехдневному аресту и выплатам пострадавшему по 6 рублей 75 копеек в месяц – пожизненно. На такие деньги несчастный инвалид мог существовать по-царски!

Но в конце концов старый Солодовниковский театр стал выглядеть примерно таким, каким мы видим сегодня Московский театр оперетты. Какие только коллективы не выступали в нем! С 1922 года Первая свободная опера С. И. Зимины, затем Экспериментальный театр, в 1929–1935 годах – 2-й Государственный театр оперы и балета. С 1936 года оно стало служить филиалом Большого. С 1961 года роль второй сцены главного театра страны перешла к Кремлевскому Дворцу съездов, и в многострадальном здании разместился Московский театр оперетты.

После Солодовниковского театра пожарная инициатива на некоторое время вновь перешла к Театральной площади. Сначала 2 мая 1914 года опять загорелся Малый театр. К счастью, пламя охватило лишь складские помещения, расположенные в северной части здания. Там хранились декорации, размещались машинное отделение и квартиры служащих. Пожар возник как раз на складе декораций. Благодаря легко воспламеняющемуся материалу пожар сразу принял устрашающие размеры. Он длился не более трех часов, но причинил колоссальные убытки. Погибли все декорации Большого театра и частично Малого. Театральные помещения также сильно пострадали от копоти и воды, а военные невзгоды затянули ремонт. По-настоящему за восстановление театра взялись только в 1923 году. Осмотр, произведенный участковым архитектором А. Ф. Стуем, помимо разрушений от пожара выявил неравномерную осадку и трещины в стенах обгоревшей части. Прямо под углом театра проходил коллектор реки Неглинной, что, понятно, также отрицательно влияло на техническое состояние здания. Проект восстановления выполнили архитектор Ф. А. Трусев и Б. Н. Блохин, конструкции рассчитывал инженер Н. Назаров³. Одновременно было решено также расширить театр за счет ликвидации торговых помещений Александровского пассажа, вклинившегося между ним и универсальным магазином Мюра и Мерилиза (позже Центрального универмага).

В декабре 1938 года дошла очередь и до третьего театра Театральной площади – Центрального детского. Из-за короткого замыкания в проводке в нем вспыхнул пожар, который удалось довольно быстро потушить. Уже в марте следующего года в восстановленном зале начал давать спектакли Малый театр, здание которого поставили на капитальный ремонт.

³ ЦАНТДМ. Ф. 2. Д. 6451.

Драмы музыкального театра

К счастью, затем в истории московских театральных пожаров наступил долгий и счастливый перерыв. Конец ему был положен все на той же Большой Дмитровке. Две огненные катастрофы одна за другой постигли Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Столь необычное наименование объясняется тем, что возник он путем объединения двух коллективов. В 1919 году возникла Оперная студия Большого театра под руководством Станиславского, в том же году образовалась Музыкальная студия МХТ, где начал свои эксперименты по синтезу жанров В. И. Немирович-Данченко. В 1926 году обе труппы расположились в здании на Большой Дмитровке, № 17, то есть нынешнем помещении театра. Даже оркестр трупп был общим, зато имелось две самостоятельные дирекции. Вполне логичным стало последовавшее в 1941 году объединение коллективов под названием Московского академического Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Само же здание появилось еще в конце XVIII века как роскошный дворец графа Салтыкова, но после многочисленных перестроек от той поры сохранились лишь фрагменты стен. В 1839–1909 годах здание занимал Купеческий клуб, интенсивно приспособлявавший его к своим нуждам. После переезда клуба на Малую Дмитровку его прежнее место занял театр-варьете «Максим». Для него в 1913 году по проекту К. К. Гиппиуса пристроили зал и сценическую коробку.

В начале 30-х встал вопрос о преобразовании бывшего клуба в полноценный театр – для студии Станиславского (студию Немировича-Данченко планировалось перевести в строившееся здание на Тверском бульваре). В 1935 году прошел конкурс на лучший проект перестройки. Одной из наиболее эффектных выглядела работа Г. Гольца и С. Кожина, которые предложили оснастить главный фасад монументальным портиком из десяти полуколонн и установленными над фронтоном огромными статуями. По мнению авторов, в таком виде здание приобрело бы типично театральную внешность.

Однако жюри предпочло более простой и рациональный проект А. П. Федорова. Стоявшая перед проектировщиком задача была исключительно трудной. Полноценное театральное здание предстояло собрать, смонтировать из нескольких разномасштабных и разнохарактерных построек, которые прилеплялись к основному, историческому ядру комплекса. Намеченная перестройка, фактически, свелась к строительству нового театра на месте старого здания, от которого уцелело лишь несколько стен. Среди последних оказалась и фасадная, выходящая на улицу стена. Отодвигать ее в глубину было некуда, и все, что оставалось делать зодчему, – попытаться придать скучному, почти без окон протяженному фасаду хоть какую-то привлекательность.

Фасад Театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко после реконструкции. 1939 г.

Достижения в этом направлении не слишком впечатляют. Пожалуй, из всех заметных московских театральных зданий это наименее театральное по своему облику. Узкий главный вход обрамлен тремя парами плоских пилястров. На их капителях были помещены доски с надписями, однако столь бледными, что снизу прочесть их было практически невозможно. По бокам от входа из стены выступали два игрушечных балкончика, совершенно не нужных. Ударным элементом фасада стала лоджия с колоннадой, прикрывающая глухую боковую стену сценической коробки. Над ней протянулся еще один длинный балкон. Но, будучи механически прилепленной к северной части здания, эта довольно симпатичная сама по себе конструкция никак не помогала улучшить общее впечатление от длинного и скучного фасада.

Более внушительными были внутренние преобразования. Несмотря на то что и там приходилось считаться с существующими стенами, зодчему удалось создать впечатляющую систему театральных помещений, хотя и унаследовавшую от старого здания некоторую запутанность и нелогичность взаимного положения.

Фактически заново был выстроен зрительный зал. Его высота выросла с 9 до 14 метров, в нем появился балкон. Отделка при всей ее скромности достаточно торжественна. Прimitивную сцену площадью 90 квадратных метров заменила новая, оборудованная поворотным кругом диаметром 17 метров. Ее площадь выросла до 535 квадратных метров. Спроектированная И. И. Флоринским механизация сцены сделала театр одним из лучших в Москве по техническому оснащению. Гардеробы расширились со 100 до 500 метров, были устроены запасные выходы во двор, оборудованы новые фойе. Особое внимание уделили противопожарной безопасности: установили пожарную сигнализацию, наиболее опасные в пожарном отношении помещения оборудовали дренажной системой. Главным элементом защиты стал железный занавес, готовый при опасности отделить сценическую часть от зала.

Но все противопожарные средства, какими бы сложными они ни были, эффективны лишь при условии ответственного отношения людей. К сожалению, в пору демократического

разгильдяйства ручаться за это было невозможно. Естественным следствием стал первый пожар, вспыхнувший 18 июня 2003 года. За десять минут до начала спектакля «Жизель» загорелся чердак. Зрители, актеры, музыканты и весь обслуживающий персонал театра были в срочном порядке эвакуированы. Актеры выбегали на улицу в сценических костюмах.

Пожар принял катастрофические размеры. Обрушились кровля, часть перекрытий, выгорела сцена. Пламя угрожало соседним зданиям. На протяжении четырех часов с ним боролись более 30 пожарных расчетов.

Театр поставили на капитальный ремонт. Параллельно с восстановительными работами шла серьезная модернизация. С дворовой стороны пристроили семиэтажный репетиционно-технологический корпус с подземными этажами для автостоянок и склада объемных декораций, для отдыха зрителей во время антрактов соорудили атриум со светопрозрачным покрытием. В ходе строительства были разобраны два флигеля бывшей усадьбы, мешавшие работам, а по их завершении воссозданы заново. Последним компонентом, не сразу появившимся в проекте, стало 30-метровое перекрытие внутреннего двора. Существенной модернизации подверглось инженерное оборудование сцены, в частности, устроен обширный трюм, откуда при необходимости поднимаются различные сценические площадки для опер и балетов. Рядом с малой сценой, расположенной на третьем и четвертом этажах старой части здания, удалось разместить комплекс аппаратно-студийных помещений.

Реконструкцию предполагалось завершить ко Дню города в 2005 году, но не успели. Помешал очередной пожар. 27 мая ночью загорелся зрительный зал. Когда прибыли пожарные, деревянные конструкции театра уже были охвачены огнем. Пламя быстро распространялось по кровле и строительным лесам. Пожару присвоили самый высокий, пятый номер сложности. К ликвидации привлекли почти 200 человек, 50 пожарных машин. Зачем-то вызывали вертолет, хотя было понятно, что толку от него в городских условиях будет немного. Движение по Большой Дмитровке полностью прекратилось. Как всегда, работу пожарных осложняли троллейбусные провода и множество стоящих вдоль тротуара автомобилей. Расчищать пространство для пожарных машин пришлось с помощью эвакуаторов. Было потеряно драгоценное время.

Но усилия пожарных принесли свои плоды. Около шести часов утра пламя наконец локализовали, а еще через полтора часа пожар был потушен. Все-таки разрушения оказались весьма существенными. Выгорели сцена и зрительный зал (рухнул балкон), частично обрушилась кровля, под воздействием высокой температуры в стенах появились трещины, они едва не рухнули. Не пострадали фойе и сценическое пространство, пожарные отстояли новый корпус и атриум.

На сей раз театр восстановили быстро – он возобновил работу уже в 2006 году.

С небес и из-под земли

Пылавшими театрами беды Большой Дмитровки не исчерпывались. Время от времени здесь происходили и другие катастрофы, гремевшие на весь город, о которых потом долго вспоминали москвичи. Причем беды несчастной улицы сыпались с неба и вырывались из-под земли.

Одна беда в буквальном смысле слова имела небесное происхождение. 7 ноября 1936 года во время военного парада над городом пролетела эскадрилья тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3. В двигателе одного из них сломался коленчатый вал. Мотор развалился на лету – упал пропеллер, посыпались отдельные детали. Эскадрилья шла вдоль улицы Горького, но широким фронтом. Злосчастный самолет оказался конечно же над Большой Дмитровкой, на которую и рухнули обломки. Три человека были убиты на месте, еще восемь получили ранения. Единственным утешением во всей этой истории может служить то, что сам самолет – виновник аварии – на трех моторах дотянул до аэродрома и благополучно сел⁴.

А в более близкие к нам времена новые страдания Большой Дмитровке причинили подземные силы. Поздним вечером 13 мая 1998 года по улице мимо дома № 18 проезжала легковая машина. Неожиданно водитель почувствовал, что мостовая под автомобилем проваливается. К счастью, человек успел выскочить и отбежать на безопасное место.

Автомобиль же вместе с обваливающейся почвой уехал вниз, на самое дно возникшего среди улицы огромного провала. Когда на следующий день яму измерили, оказалось, что ее площадь – 500 квадратных метров, а глубина достигает 16 метров (высота пятиэтажного дома)! В разверзающуюся яму медленно пополз стоявший рядом небольшой дом № 18 (выстроенный в середине XIX века). По его передней стене зазмеились сквозные трещины, а затем с тяжким вздохом она словно нехотя съехала вниз.

Вплотную подобрался провал к стоящему напротив дому № 13. Этот был побольше разрушенного, а кроме того, имел определенную историческую ценность – был выстроен после пожара 1812 года и дошел до наших дней с относительно небольшими переделками. В районе провала оказались полностью разрушенными ливневый коллектор и водопровод. Хлеставшая из разорванных труб вода залила воронку на глубину 4 метров.

Через несколько минут к месту катастрофы примчались машины аварийных служб. Их первой задачей стало отключение коммуникаций, разорванных провалом. Одновременно велись работы по предупреждению возможных последствий от дальнейшего развития провала. Обратил на себя внимание его отрог, вытянувшийся в направлении четырехэтажного дома № 20, стоящего на углу Пушкинской и Столешникова переулков. Жильцов дома немедленно выселили. Их временно разместили в ближайших гостиницах «Центральная» и «Минск».

Причины катастрофы определили довольно быстро. На протяжении нескольких лет работы под Пушкинской улицей вела фирма «Крот и К°». Главной ее задачей было строительство тоннеля диаметром 4 метра. Проходка велась щитовым способом. При подходе щита к домам № 13 и 18 произошел прорыв мокрого грунта в забой, в результате чего и образовалась воронка.

Давным-давно здесь, примерно по трассе нынешнего Столешникова переулков, протекал небольшой ручеек, несший воды с возвышенного водораздела вниз – к речке Неглинной. Рост Москвы, развитие ее застройки заставили засыпать мелкий водоток. Затем ушла в подземный коллектор сама Неглинная, и о ее древнем притоке забыли. Тем временем загнанные под землю воды медленно, но верно образовали на месте исчезнувшего ручья эрозионный врез, то есть

⁴ Рогачев А. В. Последний день Москвы. М., 2009.

массив насыщенного водой подвижного грунта. В этот-то врез, в месте его пересечения Пушкинской улицей, и уперся щит.

Устранение последствий аварии включало полный снос полуразрушенного дома № 18, восстановление водоснабжения окрестных домов и засыпку огромного провала с одновременным уплотнением отсыпаемого грунта. Затем укрепили фундамент дома № 13.

Чтобы извлечь аварийный щит, пришлось прибегнуть к замораживанию. По сторонам от трассы будущего тоннеля в землю опустили трубы с циркулирующим по ним жидким азотом, который и заморозил грунт. После этого щит преодолел опасный участок.

Но на этом приключения не кончились. 29 июля в многострадальном владении № 18/10 во дворе у стен строений 4 и 5 снова просел грунт. На этот раз площадь проседания составила «всего» 100 квадратных метров, а глубина – около метра. Провал обнажил фундамент соседнего здания, по которому тут же побежали трещины. Оказалось, что грунт просел вдоль стен котлована, который начали рыть за несколько дней до этого. Здесь бойкие коммерсанты из ТОО «Ранет» собирались строить для себя контору – взамен разрушенного дома № 18. Работы вела строительная фирма «СМК-96». Злополучный котлован быстро засыпали – вместе с провалом, а фирму «СМК-96» лишили лицензии.

Видимо, последствия прорыва плавуна в забой далеко не исчерпаны, и поскольку грунт здесь слабый – песок с прослойками битого камня и золы (следствия старых пожаров), – в глубине под улицей продолжается движение вод. А это означает, что в любой момент на Большой Дмитровке или под каждым из ее домов может вновь разверзнуться земная твердь.

Улице к этому не привыкать. Провалы в ее биографии случались не один раз. Особенно часто происходили они во владении под № 3. Осенью 1891 года провалилась земля во дворе. В возникшую яму упал ребенок, которого еле успели вытащить. Прошло всего несколько месяцев, и 6 мая 1892 года осели фундаменты и полы угловой части выходящего на улицу дома, где размещалась первая в Москве электростанция общего пользования. Установленные там машины опустились вниз на целый аршин⁵.

Скорее всего, оборудование электростанции само стало причиной напасти. Строившие ее инженеры еще не имели достаточного опыта и не позаботились о надлежащем укреплении оснований под тяжелые котлы и турбины. К этому нужно добавить сооружение артезианского колодца для снабжения станции водой и прокладку подземного водовода. А ненадежные, зыбучие грунты и неизбежная вибрация от работы машин стали завершающим элементом в ряду объективных факторов и субъективных просчетов, совокупность которых и вызывала несчастья владения № 3.

⁵ Московский листок. 1892. № 126.

Казаков, Бакарев и Мейснер

К счастью, помимо вечно пылавших театров и сползавших в провалы старых домов, на Большой Дмитровке имеется и несколько других достойных внимания и при этом вполне благополучных построек.

Самое интересное сооружение Большой Дмитровки – это, несомненно, Дом союзов, до 1917 года являвшийся домом Московского Благородного собрания. Большой двухэтажный дворец, выстроенный для князя В. М. Долгорукова-Крымского в середине XVIII века, представлял собой в плане сильно растянутую букву «П». Главный фасад – перекладина «П» – выходил на Большую Дмитровку и был украшен мощным шестиколонным портиком. Сегодня такое решение может показаться странным – ведь Большая Дмитровка очень узкая, ее небольшая ширина не позволяет обозреть фасад целиком, и весь задуманный зодчим эффект пропадает зря. А своей южной стороной здание выходит на широкий Охотный Ряд. Казалось бы, именно туда и следовало обращать главный фасад. Но в XVIII веке на месте нынешнего проспекта тянулась узкая улочка Петровка, застроенная мелкими лавками, церквушками, жилыми домами. Поэтому в тех условиях решение строителей было единственно верным.

В 1784 году после смерти владельца дом был приобретен Московским Благородным собранием. Приспосабливать дома к новому назначению взялся великий зодчий М. Ф. Казаков. Сначала, в 1784 году, он возвел на месте внутреннего двора, зажатого между ножками буквы «П», двусветный Большой (позже названный Колонным) зал. Зал был намного выше окружающих его с трех сторон корпусов, но его грубоватый объем, поднимающийся над старым зданием, увидеть откуда-нибудь было нелегко.

Одновременно зодчий приделал зданию и второй главный фасад – с южной стороны. Его акцентом служил тяжелый портик из двух пар колонн дорического ордера, соединенных монументальной аркой. В 1793–1801 годах к северному крылу была сделана трехэтажная пристройка с ротондой, оформлявшей угол Большой Дмитровки и Георгиевского переулка. Выходивший на улицу фасад утратил свою симметрию и строгость.

После пожара 1812 года пострадавшее здание восстанавливалось учеником Казакова архитектором А. Н. Бакаревым. К этому времени относится и резкое изменение окружающей среды. На месте выгоревшей беспорядочной застройки формируется прекрасная Театральная площадь, заключается в подземный коллектор грязная речка Неглинная, и вдоль него прокладывается относительно широкий по московским меркам проезд, получивший название Охотного Ряда. Именно с этой стороны здание стало обозреваться гораздо лучше, чем с узкой Дмитровки, и южный фасад окончательно стал главным.

Это имело и отрицательные последствия – теперь с Охотного Ряда прекрасно просматривалась верхняя часть Колонного зала. Ее примитивные формы плохо увязывались с эффектным казаковским фасадом. Стала очевидной необходимость реконструкции здания. Однако отсутствие средств заставило отложить эту меру почти на столетие. Лишь в 1903–1908 годах по проекту архитектора А. Ф. Мейснера над всеми корпусами был надстроен третий этаж, изменены фасады и планировка помещений, прилегающих к Колонному залу. Коренным образом изменилось решение фасадов. На главном – старый тяжеловесный фронтон с аркой сменился легким антаблементом, колонны (теперь уже коринфского ордера) поднялись на уровень второго этажа, над серединой фасада появился невысокий купол.

Аналогичные изменения произошли и с портиком на Большой Дмитровке. Вместо тяжелых дорических колонн, стоявших на невысоком цоколе, появились шесть легких коринфских, также поднявшихся на уровень второго этажа. В отличие от старого новый портик меньше выступал за общую линию фасада, что являлось благом для оживленной улицы.

На здание был «наведен глянец», тяжеловатые и строгие казаковские формы исчезли, сменились более изящными. Хотя Мейснер изо всех сил старался оставаться верным принципам русского классицизма, это получилось у него не слишком удачно. Дом Благородного собрания утратил характер построек XVIII века и превратился в не самый удачный образец неоклассицизма начала XX века.

Зато в полной неприкосновенности оставил архитектор жемчужину творчества М. Ф. Казакова – Колонный зал, а также интерьеры примыкающих к залу гостиных. Колонный зал, безусловно, относится к шедеврам русской архитектуры. Главным элементом его убранства являются поставленные по периметру белоснежные колонны. Архитектурное чутье позволило Казакову так поставить 28 коринфских колонн, что совсем не ощущается их массивность и монументальность. Колонны придали залу великолепие и парадность. Этому способствуют и огромные хрустальные люстры. Развешанные между колоннами, они как бы учащают их ритм, подчеркивают прямоугольную форму зала, его двухъярусность.

Помимо Колонного зала здание Дома союзов включает в себя торжественный и одновременно уютный Октябрьский, официальный зал № 1 (Круглый), зал № 2, а также анфиладу многочисленных фойе.

Не всякий дом памятник

Других столь великолепных образцов архитектуры, каким является Дом союзов, на Большой Дмитровке больше нет. Зато полным-полно на ней домов, которые отнюдь не привлекут внимания туристов, прибывших в Москву на неделю-другую, зато представляют интерес для москвичей, которым не безразлична история нашего города.

Первым в этом ряду следует назвать уже упоминавшийся дом под № 3 (1886 г., проект архитектора В. Д. Шера), шедевром архитектуры вовсе не являющийся. Его внешнее оформление представляет собой заурядный образец «кирпичного» стиля, типичного для русского зодчества конца XIX века, а внутри оно выглядело как обычный сарай. Зато в качестве первой московской электростанции общего назначения (введенной в эксплуатацию Обществом электрического освещения в 1886 году) оно является примечательным памятником истории науки и техники. Расположение электростанции в самом центре города объяснялось чисто технологическими причинами – в те времена еще не имелось высоковольтного оборудования. Передача электрического тока низкого напряжения на значительные расстояния была сопряжена с большими потерями, вследствие чего места выработки электроэнергии старались максимально приблизить к потребителям. Когда проблема была решена и к Москве со всех сторон подошли высоковольтные линии электропередачи, протянутые от других, более мощных и удаленных станций, здание превратилось в гараж. Относительно недавно его переоборудовали для проведения выставок. С этим связано и присвоенное ему глупейшее, игнорирующее историческое значение наименование – «Малый манеж». Чем-чем, а уж местом проведения военных учений и конных тренировок бывшая электростанция никогда не служила.

Проект доходного дома Обуховой (ныне Большая Дмитровка, 7/5, строение 1). Центральная часть фасада. Архитектор В. А. Величкин. 1913 г.

Больше всего на улице многоэтажных доходных домов, выстроенных в самом конце XIX – начале XX века. И хотя некоторые сооружались видными архитекторами того времени, шедевров жанра среди них нет. Облик, конструкции, планировка типичны и особого интереса не представляют. Но вместе они образуют сплоченный и представительный фронт застройки улицы.

Одним из первых в этом ряду стал четырехэтажный дом Синодального ведомства (№ 5), построенный в 1898 году по проекту архитектора И. Г. Кондратенко. С годами размеры доходных домов росли, они превращались в целые жилые комплексы, как, например, два дома № 7/5, выстроенные в 1908 году по проекту В. Д. Глазова (строение 2) и в 1913 году В. А. Величкиным (строение 1). В соответствии с изменением прихотливой архитектурной моды стиль модерн с элементами классического стиля первого сменился откровенным, монументальным, хотя и довольно наивным неоклассицизмом второго.

Во дворе владения прячется трехэтажный дом (дом № 7, строение 4). Несмотря на довольно заурядную внешность, он является интересным образцом московского строительства второй половины XVIII века. Строился он как главный дом городской усадьбы Стрешневых. Был в то время двухэтажным, но выглядел столь эффектно, что автором проекта считали самого великого В. И. Баженова⁶. Пластичность фасаду придавали три ризалита – широкий центральный и два боковых.

В середине XIX столетия стрешневский дом разделил судьбу многих других некогда богатых особняков русской знати – его переделали в доходный дом. Просторные анфилады перегородками разделили на квартиры, а заодно надстроили и третий этаж. К счастью, при этом было сохранено общее решение фасада, и дом не слишком проиграл в своей внешней представительности. Самый существенный ущерб ему был нанесен позже, в начале XX века. Строительство многоэтажного дома № 7/5, вплотную подступившего к старой постройке, потребовало очистки площадки. Стрешневский дом не снесли, но грубо оторвали от него часть южного крыла вместе с боковым ризалитом. Остатки старой постройки упираются в высокую стену молодого соседа. Сегодня дом Стрешнева находится в аварийном состоянии: стены потрескались, от них отваливается штукатурка, частично провалилась кровля. Тем не менее в нем по-прежнему обитают люди.

Чрезвычайно эффектен доходный дом № 9, построенный в 1903–1905 годах для торговца мехами А. М. Михайлова. Шестиэтажное (причем отведенные под магазины два нижних этажа очень высокие) здание долго оставалось самым крупным на улице. В его архитектуре четко прослеживается рука автора – А. Э. Эрихсона, который в свое время считался одним из ведущих московских мастеров этого стиля. Он и в самом деле набил себе руку на отделке фасадов в стиле броского модерна (так, его любимой декоративной деталью были оконные импосты, завершенные стилизованными женскими головками) и выдавал творения, похожие друг на друга, как родные братья. Например, композиционная и декоративная схемы, реализованные в доме Михайлова, четко прослеживаются и в других работах архитектора – домах по Столешникову переулку (№ 7), Тверской улице (№ 18), Большой Дмитровке (№ 32). Ту же структуру, слегка приспособленную к изменившейся архитектурной моде, архитектор повторил и в неоклассическом здании на Ильинке, № 9, строение 1.

А вот стыдливо прячущиеся во дворе доходные корпуса, выстроенные для того же хозяйина (строения 3, 5, 6, 8) в 1897–1900 годах по проекту архитектора В. В. Баркова, имели на то все основания, поскольку в противоположность яркому уличному зданию серы, скучны и унылы до невозможности. Вихри стихийной «реконструкции» московского центра захва-

⁶ Любецкий С. М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских. Московские окрестности. М, 2008.

тили и барковские творения. Их обрекли на снос, о чем стоит пожалеть. Несмотря на отсутствие какой-либо художественной ценности, дворовые корпуса представляли собой крупнейший и характернейший образец рядовой, непарадной жилой застройки Москвы рубежа XIX–XX веков.

Примитивность работы В. В. Баркова в некоторой степени компенсировал его сын – С. В. Барков, в 1910 году спроектировавший доходный дом № 23, богато отделанный в неоклассическом духе. Центр фасада выделен двухэтажной арочной нишей над полукруглым эркером. О заказчице дома – княгине Ливен – напоминает монограмма в виде латинской буквы L.

Противоположная, четная сторона улицы также может похвастаться несколькими капитальными постройками дореволюционных времен. Первый из них – дом № 2/3, в результате нескольких надстроек ставший подобием слоеного пирога. Первоначально двухэтажное здание было выстроено в 1821 году по заказу К. М. Полторацкого архитектором А. Ф. Элькинским. В 1889 году перестраивался по проекту С. И. Тихомирова, в 1902 году – Р. И. Клейна, в результате чего приобрел еще два этажа.

Пятиэтажный дом № 4/2, стоящий рядом, сегодня вошел в комплекс малой сцены Большого театра, но изначально строился как жилой в 1897–1905 годах по проекту А. Ф. Мейснера.

Дальше идут постройки поменьше и поскромнее – четырехэтажные № 12/1 (1884 г., архитектор С. С. Эйбушиц) и № 16 (1902 г., архитектор В. Г. Залесский). Последний дом интересен тем, что в нем размещалась техническая контора «В. Залесский и В. Чаплин», занимавшаяся устройством систем отопления и вентиляции. Предприятие относилось к числу лучших в Москве, и ему поручались работы в самых крупных зданиях, таких как Верхние торговые ряды (ныне ГУМ). А один из владельцев – В. Г. Залесский – был к тому же и заметной фигурой в архитектурных кругах города. Одно время он входил в состав Технического совета при городской управе, пять членов которого рассматривали и утверждали проекты важнейших сооружений.

Дом № 22 привлекает внимание благодаря трем треугольным в плане эркерам, украшающим его фасад. Автор проекта – архитектор А. В. Иванов – был неисправимым академиком в старом значении этого слова⁷ и убежденным сторонником эклектики. Фасады его самого известного творения – гостиницы «Националь» – буквально увешаны различными украшениями – колонками, наличниками, карнизами, и все это залеплено деталями помельче. Примерно так же выглядит большинство других его творений. Однако при проектировании дома на Большой Дмитровке зодчий решил последовать архитектурной моде и поработать в стиле модерн. Следы усилий в этом направлении отчетливо читаются в мелких деталях фасада. Но изюминкой стали все же не они, а эркеры, придающие фасаду крупный масштаб и делающие его необычным, запоминающимся.

Дом строился в 1904–1905 годах по заказу Московского товарищества для ссуды под заклад движимых имуществ, поэтому иногда его именуют ломбардом. На самом же деле четыре верхних этажа пятиэтажного лицевого корпуса занимали комфортабельные квартиры. Квартирами же, но несколько похуже был занят и дворовый шестиэтажный, поставленный перпендикулярно к лицевому. Наиболее интересен его дальний конец. Там три нижних этажа сменяются двумя высокими, выделенными на фасаде огромными оконными проемами. Именно там и находился сам ломбард, а прием посетителей был организован на первом этаже лицевого корпуса. Интересно, что ломбард работал в этом здании вплоть до 2016 года.

За Богословским переулком бок о бок стоят еще два крупных строения. Пятиэтажный доходный дом Богословской церкви (которая стояла рядом в переулке) № 30/1 построен в

⁷ Императорская академия искусств присваивала звание академика лучшим выпускникам, удостоенным Большой золотой медали. Им предоставлялось право на заграничную поездку, в ходе которой они должны были подготовить проект на заданную, чаще всего совершенно условную тему. По итогам оценки проекта и присваивалось звание. С 1895 года звания академика стали выдавать архитекторам за реализованные проекты выдающихся в художественном отношении зданий.

1888–1894 годах по проекту С. И. Тихомирова. О доме № 32 уже упоминалось ранее как о типичной работе архитектора А. Э. Эрихсона. В данном случае в 1901 году он выстроил трехэтажный торговый дом, который впоследствии вырос еще на один этаж.

Среди многоэтажных громад конца XIX – начала XX века сохранилось и несколько более старых построек. Под № 8/1 числится главный дом бывшей городской усадьбы, архитектурный облик которой сформировался в середине XVIII – начале XIX века. С 1829 года он в соответствии с традициями улицы выполнял театральные функции: в нем последовательно работали театральное училище, Московская контора императорских театров, театральная библиотека.

Последнее владение по правой стороне улице (№ 34) с 1811 года принадлежало типографии Московского университета. Она долгое время оставалась крупнейшим заведением подобного рода в Москве. Именно здесь печаталась газета «Московские ведомости». В отличие от прочих периодических изданий, то возникавших, то исчезающих, «Ведомости» бесперебойно выходили на протяжении двух столетий. Реакционное направление газеты послужило поводом для одних из первых студенческих беспорядков. 2 октября 1884 года собравшиеся у редакции студенты университета устроили настоящий кошачий концерт, били стекла в окнах. Разгонять их пришлось при помощи полиции и казаков, которым активно помогали лавочники недалекого Охотного ряда.

До нашего времени дошло несколько сооружений типографского комплекса. Наибольший интерес представляет редакторский корпус (Страстной бульвар, № 10), перестроенный в 1816–1817 годах из старого барского особняка. Считается, что проект был выполнен Н. П. Соболевским при участии Ф. О. Бужинского. Сие представляется вполне логичным, поскольку в рассматриваемый период первый служил архитектором Московского университетского благородного пансиона, а второй состоял архитектором университетской типографии⁸. Удачные пропорции здания, снабженного портиком из шести каннелированных колонн, делают его хорошим образцом раннего московского ампира. Выходящий на Дмитровку производственный, собственно типографский корпус построен в 1821–1827 годах по проекту архитектора Д. Г. Григорьева в стиле ампира. Центральный ризалит выделен мощным аттиком и плоской аркадой нижнего этажа. В нем размещались канцелярия и книжный магазин; сама типография находилась на втором этаже здания. В 80-х годах планировалось частичное воссоздание других разрушенных элементов комплекса. Однако с наступлением демократии вместо этого были снесены стоявшие во дворе палаты XVII века, и в центре бывшего типографского двора выросло громоздкое сооружение для магазинов и контор.

⁸ Дьяконов М. В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII–XIX вв. // Русский город. Вып. 1–5. М., 1976–1982.

Институт Ленина от Советской площади до Дмитровки

После долгого затишья, вызванного Первой мировой и Гражданской войнами, к середине 20-х годов строительная деятельность на Большой Дмитровке вновь оживилась. В 1926 году вошел в строй жилой дом под № 20 на углу Столешникова переулка. Его заложили еще в 1911 году по проекту архитектора К. Л. Розенкампа, но строительство затянулось и затем и вовсе остановилось. Достаивали дом спустя полтора десятка лет. Времена были нелегкими, и перерабатывавший проект архитектор П. Кучнистов придал фасаду подчеркнuto аскетические, а вернее, скучноватые формы. Вдобавок четырехэтажный дом выглядел каким-то недомерком рядом с более высокими соседями. Недавно слишком «бедный» фасад «обогатили» отделкой керамической плиткой.

Еще одно конструктивистское творение появилось в самом конце улицы. Старинный особняк № 23 по заказу нового владельца – общества «Совпольторг» – надстроили двумя этажами, а заодно и переделали фасад в конструктивистском духе. Об этом можно легко догадаться по внешности дома: доставшиеся в наследство от старого особняка окна нижних этажей узкие, типичные для XVIII столетия, а над ними возносятся огромные оконные проемы надстроенной части. Типично конструктивистским приемом выглядит и сплошное остекление асимметрично расположенной лестничной клетки. Подобные надстройки были распространены в 20-х годах, и сегодня «двухслойные» дома можно увидеть на многих московских улицах.

Также подверглись переделкам дома № 15а и № 24. Но все же существенных перемен в облик Большой Дмитровки первые годы советской власти не принесли. Зато в непосредственной близости от нее выросло важное сооружение, которому спустя много лет суждено было дотянуться и до этой улицы.

Этим зданием стал Институт В. И. Ленина. Одно из первых научных учреждений советской Москвы строилось для хранения и изучения документов, связанных с наследием основоположников научного коммунизма. Место было расчищено путем сноса Тверской полицейской части, издавна стоявшей на площади напротив дворца генерал-губернатора (позже здания Московского Совета). Проект здания Института разработал архитектор С. Е. Чернышев. Строилось здание еще по старинке – без подъемных кранов, со сплошной стеной лесов, окружающих площадку, с доставкой кирпичей «козонасцами».

Тем не менее все работы были закончены в очень короткий срок, в течение полутора лет, и в конце 1926 – начале 1927 года здание уже было занято Институтом, став значительным событием для Москвы.

Институт Ленина представлял собой компактное, симметричное здание с небольшим внутренним двориком, состоящее из двух лаконичных объемов. Основной объем П-образного в плане корпуса имеет строго кубическую форму, состоит из четырех основных и цокольного этажей. С восточной стороны к зданию примыкает башня книгохранилища, изнутри поделенная на четырнадцать ярусов.

Монументальность крупных членений фасадов Института подчеркивала темно-серая декоративная цементная штукатурка с каменной крошкой. Главный фасад, обращенный на Советскую площадь, строг и симметричен. Внушительность зданию придали вертикальное членение пилястрами и четкие ряды окон. На аттике главного фасада была размещена шрифтовая композиция с названием Института.

В 1947 году перед ним был разбит сквер, в котором установили памятник В. И. Ленину.

Институт В. И. Ленина. Главный фасад. 1927 г.

Среди прочих помещений внутри здания располагалось бронированное хранилище, предназначенное для надежного хранения бесценных документов. Советское правительство заказало его у германского концерна Круппа.

Сфера деятельности Института постепенно расширялась. Помимо документов, написанных рукой В. И. Ленина, в него поступили и оригиналы работ К. Маркса и Ф. Энгельса, И. В. Сталина. В соответствии с этим менялось и название. Одно время Институт носил имена Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, затем превратился в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Развивавшемуся Институту требовались новые площади, и в 70-х годах было принято решение о строительстве второй очереди. Несколько старых малоценных домов, стоявших в тылу Института, сломали, расчистив площадку, выходящую на Большую Дмитровку. После завершения работ в 1982 году весь комплекс протянулся от этой улицы до Советской площади. Четырнадцатизэтажная башня-хранилище оказалась замкнутой в пространстве между двумя – старым и новым – корпусами.

Проект второй очереди Центрального партийного архива был разработан коллективом, в который входили архитекторы Ю. Швердяев, А. Маслов, В. Попов, инженеры Б. Шафран, И. Маркович, Н. Блитман⁹. Вышедший на Пушкинскую улицу фасад новой части здания был решен в строгих формах, согласующихся с творением С. Е. Чернышева. Входы в здание отмечают три высоких портала, в верхние части которых вставлены бронзовые рельефные портреты основоположников научного коммунизма – К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. С портретами Маркса и Ленина соседствуют выдвинутые ими лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Вся власть Советам!».

⁹ Попов В. Хранилище документов партии. Реконструкция Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма // Строительство и архитектура Москвы. 1977. № 10–11.

Первый проект реконструкции

К концу 20-х годов новые и старые, высокие и низкие дома размещались вдоль улицы хаотично. Проблема «вписывания в окружающую среду» никого – ни домохозяев, ни зодчих – не волновала. Над маленькими домиками поднимались многоэтажные громады, открывая взорам грубые брандмауэры. Там, где строения примыкали друг к другу, неприятно резала глаз разница в высоте этажей, из-за которой карниз одного дома буквально врезался в окно своего соседа. Сама же улица была узковатой, слишком тесной для нормального движения транспорта и пешеходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.